

Содержание

Рождественский снег	9
Йана Бориз	
Императорская чашка	13
Игорь Быков	
Ватный человечек	26
Валерий Былинский	
Рождение	35
Виктория Джамгарян	
Список на Рождество	51
Светлана Дотц	
Ангел со второго этажа	61
Ирина Жукова	
Затишье	68
Татьяна Кокусева	
Сигнализатор «Стриж»	88
Татьяна Корчагина	
Волшебство зимы	100

Галина Маркус	
Синяя кнопка	107
Денис Маслаков	
Чижик-пыжик, где ты был?	143
Евгения Матыкова	
Мальчишки, собака и куры	155
Наталья Мелехина	
Волшебный сюрикэн.	168
Ирина Нильсен	
Чайная коробка	186
Дарья Новакова	
Ссадина	195
Сати Овакимян	
Последний ремонт	205
Ирина Оснач	
Суп из куropатки	217
Аня Рафикова	
Обо всем хорошем.	223

Мария Реброва	
Святая молитва	230
Анна Соколова	
Будет праздник	233
Елена Солод	
Венька.	241
Ирина Соляная	
Оленька	250
Елена Толстова	
На кладбище	255
Надежда Толстоухова	
Ваня, который выжил	262
Елена Тулушева	
Подарок	269
Марина Туревская	
Туся	280
Ксения Туркова	
Клатч	289

Анна Ханен	
Про девочку, которая выросла на границе. . .	296
Анна Харланова	
Старый Новый год	304
Максим Чекмарев	
Бизнес-идея.	308
Евгений Чикризов	
Клементины.	313
Марина Чуфистова	
Антоша	324
Человек у окна.	330
Алеся Юн	
Елки зеленые.	338
Андрей Якубовский	
Хохотушка и принц.	369

Рождественский снег

В этой книге с неба летят крупные, мохнатые снежинки, а жестокая выюга, пошумев и повыв, неизменно смолкает. Ветер слабеет, стихия сворачивается в клубок, как послушный котик. Пахнет хвоей и мандаринами, все обиды оказываются прощены, душевные раны исцелены, зло рассеивается, словно дым, и жизнь жительствоует. Почему? Да потому, что дело происходит под Новый год и под Рождество. В то время, когда встретиться с судьбой и получить небесные милости особенно легко. Вот отчего невероятных кульбитов, кувырков судьбы и неслучайных встреч, счастливых совпадений здесь ничуть не меньше, чем снежинок в небе.

В этот сборник вошли тексты выпускников магистерской программы НИУ ВШЭ «Литературное мастерство» и литературных мастерских Creative Writing School, школы «Бэнд» и Литературного клуба Союза российских писателей, но, несмотря на пестроту тем, разнообразие стилей и даже уровня авторов, в диапазоне

от начинающих до зрелых, герои их неизменно выныривают из всех невзгод живыми и невредимыми. Так и должно быть, это требование святочного жанра. Никто не остается здесь без награды, без своего подарка под елочкой. Дальбойщику Сереже удастся раздобыть для дочки новогодний подарок, курьеру Гоше — вовремя доставить нужную деталь, кассиру — получить премию к Новому году, а сломанную машину вовремя починить, ну а единственный на этот рассказ злока управляющий получает по заслугам (рассказ Ирины Жуковой «Затишье»). И очевидная глупость, которую совершает растяпа герой, доверившийся мошеннице, оказывается прощена, потому что не в деньгах счастье (Татьяна Кокусева. «Сигнализатор „Стриж“»). Младенец, спавший в кровати, остается жив в обрушившемся доме (Надежда Толстоухова. «Ваня, который выжил»). Девочка, провалившаяся в колодец, выздоравливает как раз под Рождество (Анна Ханен. «Про девочку, которая выросла на границе»). Внезапная гостя спасает попавшего в беду врача (Ирина Нильсен. «Чайная коробка»). Отец возвращается в семью, это и есть его главный подарок близким, а совсем не те дорогие игрушки, которыми он пытался откупиться от сына (Елена Тулушева. «Подарок»). Вот на этом и настаивают авторы вошедших

в этот сборник рождественских рассказов: счастье — нематериально, а чудо возможно. В любой семье, в любой квартире многоэтажного городского дома, больнице, школе, доме престарелых, поле, лесу.

Топливо этого чуда — прощение, милосердие, нежность. И их в этом сборнике тоже в избытке. Авторы его напоминают нам и о том, что мир любви, исполненных желаний и волшебства совсем рядом, и порталом в него может стать сновидение, заброшенная зерносушилка (Наталья Мелехина. «Волшебный сюррикэн») или даже нелепая игрушка из пластилина, сделанная «особенным» ребенком (Галина Маркус. «Синяя кнопка»). Тем не менее нащупать вход в этот мир не так просто. Но под Новый год и Рождество возможно всё.

Уже более полутора веков новогодние, рождественские или святочные рассказы, эти сказки для взрослых, собственно, для того и пишутся: чтобы напомнить читателям о достижимости радости и чуда и о коротком пути к ним. Довольно лишь проявить сочувствие к тем, кто рядом, не быть жадиной, как мистер Скрудж в «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса, положившей начало святочному жанру. Иногда для начала можно просто хорошо, профессионально исполнить свое дело (Ксения Туркова.

«Клатч»). И все сдвинется с мертвой точки, пойдет, поедет, полетит.

Движение навстречу другому оборачивается движением навстречу собственному счастью. В темном зимнем небе загорается рождественская звезда, а на земле — человечность и милость.

Майя Кучерская

Йана Бориз

Императорская чашка

Чашка действительно заслуживала внимания: настоящий императорский фарфор — глубокий ультрамарин с золотой короной вкруговую, а по центру медальон, где старательно растопырила хвост царь-птица. Несколько непослушных перышек не влезли в овал и кокетливо выглядывали за ободок. Красиво. Умели мастерить царские ремесленники. Блюдечко тоже сплошь из кобальтового ажюра в белой каемке. Баба Вася берегла реликвию с дремучих времен. Какая-то романтическая история украшала фарфоровый шедевр: то ли кого-то из предков Государь Император наградил, то ли в приданое досталась. В общем, сызмальства Лина постановила для себя: если случится конец света, в первую очередь надо спасти чашку. Все свои двенадцать лет с маленьким хвостиком она держалась этой заповеди, не дышала лишней раз на чудо и смотрела только из-под опущенных ресниц.

И в тот злополучный раз она ничего плохого не планировала — только показать Женьке

неземную красоту. Любопытная эта Женька, все время хватается за чужое, вертит так и сяк. Вот и чашку безгрешную не оставила в покое: протянула руки загибающие. Лина, конечно, отреагировала, схлынула назад всем телом, не выпуская соколовище из рук, и с размаху впечатала драгоценную жар-птицу в угол серванта. Тонкий печальный звон прозвучал вражеской канонадой. Чашка распалась на части, как спелый арбуз, ополовиненная жар-птица ехидно косила уцелевшим глазом, как будто издевалась.

— Ой! — пропищала гадина Женька. — Какая ты неосторожная!

Губам стало мокро и солоно. Сквозь пелену Лина видела, как синие осколки крупными фарфоровыми слезами стеклись в золотое решето блюдца, только затейливая тонкая ручка острым крючком оскалилась в преступной ладошке.

— Можно я теперь у тебя поживу? — спросила у Женьки, заранее зная ответ.

— Дурочка...

Лина безнадежно махнула рукой, спрятала останки бывшего великолепия в шкатулку, а ту — в недра дивана по соседству с полузабытыми куклами, подружками детских игр. Она молча кинула Женьке толстый красный шарф,

мол, проваливай, собрала злые рыжие кудряшки под синюю шапку, влезла в куртку и потопала на Невский, в самую большую антикварную лавку. Народу там перед новогодними праздниками оказалось не продохнуть: все выбирали подарки, листали пыльные книжицы, придиричво осматривали серебряные подсвечники, едва не пробовали на зуб. Понятно, люд отправился на охоту. Навстречу ей протопал озадаченный Дед Мороз в синем бархатном тулупе и бороде набекрень. Обмотанный мишурой посох грузно клацал по брусчатке, тоже, видать, устал творить чудеса.

Конечно, ни в первой, ни во второй, ни в пятой лавке таких чашек не нашлось. Продавцы восхищенно цокали, глядя на фотографию в телефоне, и пожимали плечами. В последней уса-тый толстяк за прилавком расщедрился и дал адрес коллекционера, мол, если кто и сможет подсказать, то только он, Илья Валентинович. Лина вчиталась: недалеко, на Васильевском. Слякотный день мало походил на предновогодний: под ногами серая каша, прохожие с озабоченными лицами, спящие незаметные гирлянды. Где-то в очереди стояла баба Вася и не знала, что ее сокровище разбито.

Ба вырастила маму одна, дед где-то сгинул, или его вовсе не было. До этой страницы

семейной истории Лина никогда не долистывала. Сколько она себя помнила, родители держались за бабу Васю, как за палочку-выручалочку: весь дом на ней, детеныша и накормит, и выгуляет, и уроки проверит, мама с папой могут не беспокоиться. Даже внешне Лина походила на бабушку: такие же дерзкие голубые глаза и курносый нос. Наверное, та раньше тоже была рыжей, это теперь она припушилась благообразным серебром. Все радости и горести внучка привыкла делить с ба, и надо же было ее угодить — именно самому близкому человеку разбить сердце, то есть чашку.

В невеселых думах она нашла неприметный серый дом-буханку, в котором проживал Илья Валентинович, взбежала по широкой, пахнувшей хлоркой лестнице (не могла дожидаться лифта) на пятый этаж и позвонила. В карманах куртки судорожно сжались кулаки: а вдруг его дома нет? Еще раз позвонила. На глаза уже почти навернулась новая порция слез, когда за дверью слышались шаги. Хозяин отворил без спроса: дряхлый дед в шерстяной кофте и допотопных очках с толстыми линзами.

— Только не прогоняйте меня, Илья Валентинович, у меня горе, — взмолилась Лина вместо того, чтобы просто поздороваться.

— Ну, заходи, дитя.

Хозяин посторонился, пропуская Лину в прихожую вместе с кусочком голубого подьездного сумрака.

— Я на консультацию и... и за помощью. Сказали, что только вы можете помочь моему горю. — Она полезла в карман за телефоном.

— Дитя, у меня самого горе, — вздохнул хозяин, — пропала собака — Филя, Филька, Филимонице, единственное родное существо. — Он сгорбился и поковылял вглубь квартиры, приглашая гостью за собой.

— Как так? Что значит пропала?

— Я зашел в магазин, привязал к крыльцу, выхожу — нет. Каждый день он меня дожидался... кто-то отвязал, значит.

Лина уже цапнула неравнодушным девчачьим глазом фотку на письменном столе: Илья Валентинович обнимал добродушного лабрадора и счастливо смеялся. Оказывается, улыбка делала его моложе. Или это счастье?

— Вот такую вещь требуется найти... — начала она, поднося телефон с фотографией к самому его носу.

— Это редкая, интересная вещь, их еще до революции выпускала парцелиновая фабрика, — взгляд заядлого антиквара чуть-чуть потеплел, — такую днем с огнем не сыскать.

Я повспоминаю своих знакомых, но даже если у кого есть, то тебе, дитя, не продаст.

— Я сумею уговорить, вы только подскажите, к кому обратиться. — Ее глазенки выпрыгивали из-под шапки и горели жалобными свечечками.

— Я целый день по приютам собачьим ездил, устал, ноги еле передвигаю. Не могу сейчас рыться в записях. Дитя, давай увидимся после Нового года.

— Простите меня, но моя беда... тоже...

Лина сквозь слезы поведала про императорскую чашку, про бабушку, про семейную историю, хранившуюся в этой посудине незримым чародейским зельем.

— Ладно, дитя, повспоминаю, но не сегодня. Я страшно устал и расстроен. — Он всем видом демонстрировал, что визит завершен.

Лина вышла на улицу. Кобальтовые сумерки в цвет разбитой чашки замигали задорными гирляндами, будто царь-птица распустила хвост и плескала волшебством в темноту. Ноги не шли домой, как ни заставляла, в голове прочно поселился пропавший Филька. Потерять единственную родную душу, да еще и на Новый год! Как же коротать самую важную ночь в одиночестве? Кого обнимать? Кому шептать на ухо заветные желания? Еще есть пара часов, она может проверить: вдруг да выгорит?!

Лина прыгнула в метро и покатила в ближайший собачий приют. Конечно, никакого лабрадора там не видели: Новый год на носу, у всех на уме только закуски и десерты. Неудачница побродила вдоль вольеров, потрепала за ухом каких-то беспородных милах, оставила сторожу приметы пропавшего Фили и опять нырнула в густой поток шуршащих пакетов.

Ноги отчаянно промокли, сырой питерский сквозняк пробрался в рукава и расшалился, грозил покусать за локти, плечи, сожрать всю целиком. В следующем приюте ее снова постигло разочарование. А чего ждать? Ведь Илья Валентинович сказал, что уже объездил их днем. Сумерки превратились в полноценный вечер, с обязательными «Джингл белс» и подвыпившими ухарями. Точно пора домой. Она вышла на «Гостином дворе», чтобы в последний раз заглянуть в витрины антикварок. На крыльце снова мялся давешний Дед Мороз в синем тулупе, но уже без посоха. У его ног напуганной поземкой суетился лабрадор.

— Это ваш? — Лина не верила в чудеса, но ведь нынче не простой вечер, а канун самого волшебного праздника.

— Нет, — он внимательно заглянул под ее кудряшки, — приبلудился.

Шальная надежда прострелила черепушку, аж в ушах зазвенело.

— Можно мне его забрать?

— Бери, конечно. — Дед Мороз обрадовался, полез в пустой мешок. — А вот тебе, девочка, и... — Он разочарованно развел руками.

— Не надо ничего, я уже большая, — великодушно отмахнулась Лина.

Она взяла лабрадора за ошейник и испугалась. А вдруг это не тот? На Новый год, конечно, чудеса случаются, но сегодня у нее явно невезучий день.

Илья Валентинович снова долго не открывал, наверное, заснул. В конце концов дверь медленно отворилась, но Лина уже поняла по Филиному поведению, что не ошиблась. Едва увидев серый дом-буханку, пес начал счастливо повизгивать, в подъезде нетерпеливо перепрыгивал через ступеньки и с ликованием кружился вокруг своей спасительницы, как будто водил хоровод. Ладно, хоть одно доброе дело ей зачтется, не так жутко будет перед бабой Васей ответ держать.

— А я тебе адресок нашел, — сказал Илья Валентинович, отбиваясь от бурных ласк любимца. — Вот, Марк Саныч, мой добрый приятель. У него есть такая же чашка, только, боюсь, не уступит. С ней связана какая-то любовная история, так что особенно не мечтай.

— Поняла-поняла, буду ползать на коленях, пока не уломаю!

Она схватила адрес и помчалась вниз по лестнице под доброжелательный лай и брошенное вдогонку: «Я ему позвоню, предупрежу».

Нежданно-негаданно небеса расщедрились на снег. Праздничные фонари снисходительно позволяли снежинкам кружиться в неоновых шатрах: мол, ладно, сегодня праздник, сегодня всем можно помечтать. Лина залюбовалась, ее мысли плясали в снежной кадрили, не желали утомиться. Домой или все-таки к Марку Санычу? Ма и ба обрывали телефон, надо домой. Но ведь сегодня самый подходящий вечер для чудес, теперь Лина точно это знала.

К Марку Санычу она нагрянула запорошенная и раздумяившаяся. Он открыл сразу, наверное, ждал гостей. Синяя кофта с замшевыми плечами и большим накладным карманом на груди не скрывала военную выправку, наоборот, подчеркивала. Седые усики и тонкий профиль с маленькой аристократичной горбинкой на сухом носу придавали ему сходство с белым офицером из старых советских фильмов про революцию. Он распахнул дверь. Лина без страха вступила в светлую прихожую, состроила жалобную мину. Глубоко посаженные серые глаза пару секунд внимательно оглядывали непрошеную гостью, потом хозяин квартиры изменился в лице, схватился за сердце и прошептал ее имя:

— Василина? Какими судьбами ты такая... опять?.. Или я уже умер?

— Нет, вы не умерли. Я насчет чашки, императорской...

А дома перед осиротевшим сервантом нервничала баба Вася, подправляя блюда с румяной уткой и непременно оливье. Уже пора за стол садиться, а внучка пропала. Времена беспокойные, нечего малой шебуршить по темнякам под Новый год. Она, разумеется, сразу заметила пустующее место, где почти сорок лет стояла заветная чашка кобальтового фарфора. Это была когда-то пара. Василина с детства мечтала, что из этих чашек всю жизнь будет распивать чай со своей любовью — единственной, еще со школьной скамьи. Друг напротив друга каждый вечер до самой старости. Это он подарил ей чайную пару на шестнадцатилетие в придачу к своему сердцу. Ничего красивее босоногая челябинская девчонка до этого не видела. И когда он поехал поступать в военное училище, она положила ему одну чашку, заботливо завернула в домовязанный свитер. Так и положено, чтобы одна — ей, а другая — ему.

Потом были тысячи шпал, гудящие дымные поезда, редкие встречи и долгие разлуки. Она навещала его в Ульяновске, он приезжал на каникулы домой, каждую встречу они все

подробнее и подробнее мечтали о свадьбе, составляли списки гостей, выбирали угощения. А потом пришла его мать, залитая слезами, неверно стоящая на ногах, как подтаявшее в жару мороженое — влажное и грозящее опрокинуться навзничь, на грязный асфальт, забрызгать ни в чем не повинных прохожих своим горем. Она все повторяла, как заклятье, страшное слово «Афганистан». Больше Василина его не видела. Школьная любовь пропала, осталась только императорская чашка и Лина мама, родившаяся через восемь месяцев после самых сладких каникул молодого курсанта.

Сначала Вася искала его, писала, плакала, потом боль затерлась, спряталась в хлопотах, осталась только нарядная кобальтовая чашка с райской птицей, обещающей счастье, но, наверное, не в этой жизни. Переехала в Питер вслед за дочей, притащила с собой сервант и чашку. Да, жалко фарфоровой памяти — сокровища всей жизни, но сейчас бабушку больше тревожило отсутствие внучки-егозы.

Когда в двери заворочался ключ, в груди у бабы Васи потеплело. Наконец-то! Родной голосок пролепетал из прихожей:

— А я не одна, ба.

Василина Андреевна подняла глаза и обомлела: в дверях стоял Марк — ее первая

и единственная любовь. Постаревший, но все еще импозантный. Она последний раз видела его на вокзале, в очередной раз провожая на учебу. И вот теперь, спустя целую жизнь, он стоял в дверях рядом с понишкой Линой и держал в руках фарфоровую чашку с жар-птицей и золотым ободком.

— Где ты был? — Она спросила так, будто он вышел за хлебом, а вернулся спустя неделю.

— Так вышло: ранение, плен, очнулся в американском госпитале, перевезли в США, долго лечили. Потом работал... на них, не мог отказаться после того, как меня спасли и из-под обстрела вынесли. Потом нельзя было возвращаться. Просто жил на пособие, преподавал русский язык. Так прошло тридцать лет, и тогда я решил вернуться. Тебя искал в Челябинске, знакомых расспрашивал. Потом перестал, думал, ты давно замужем и счастлива. В Питер переехал пять лет назад, квартиру в наследство получил. Теперь... — Он беспомощно развел руками.

— А как ты... почему... где... как?

Баба Вася маленькими шажочками приблизилась к Марку Санычу, показала глазами на Лину, снова перевела взгляд на него и протянула руку, как будто хотела потрогать, убедиться, что настоящий.

— Так ведь Новый год. А значит — любые чудеса случаются. — Он улыбнулся и неуверенно раскрыл объятия.

Лина внутренним чутьем поняла, что сейчас можно, и тоненько пропищала:

— Баб Вася, прости, я чашку твою разбила, но деда тебе свою отдаст.

Она сама испугалась, что назвала Марка Саныча домашним прозвищем «деда», оно само вылетело, невзначай, но никто, кажется, так и не обратил на это внимания.